

Соегов М. Развитие синтаксической системы туркменского литературного языка в советскую эпоху (в связи с расширением сфер его применения). Ашхабад, 1991.

Соегов М. Туркменский писатель-белоэмигрант из Соединенных Штатов Мексики // Учен. зап. Тавр. национал. ун-та им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2012. Т. 25 (64), № 3, ч. 1. С. 259–266 (Сер. Филология. Социальные коммуникации).

Соегов М. Туркмены-командиры Царской и «Белой» армий: генерал Оразсердар, сын Дыкма-сердара // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Казань, 2015. № 3. С. 43–49.

Станция памяти – Фирюза [Электронный ресурс]. URL: <http://infoabad.com/forum/thread/1389.html> (дата обращения: 19.07.2016).

Туркмен Совет Энциклопедиясы. Ашгабат, 1981. Т. 3.

УДК 94(470.57).084.6:658.6

А. В. Антошкин

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В БАШКИРИИ во второй половине 1930-х гг.

В статье на основе документов Национального архива Республики Башкортостан рассматривается ситуация в государственной розничной торговой сети Башкирии после перехода от карточной системы к открытым формам торговли. Выявленный комплекс недостатков и нарушений в работе торговых организаций республики во многом способствовал рецидиву распределительной системы. Делается вывод, что рост антисоветских настроений на территории Башкирии был обусловлен в том числе и сохранением острого товарного дефицита как по продовольствию, так и по промтоварам.

К л ю ч е в ы е с л о в а : торговля, распределение, продовольствие, промтовары, спекуляция, дефицит, Башкирия.

Карточная система первой половины 1930-х гг. была поражена многими недостатками. С одной стороны, несовершенство системы распределения вело к росту злоупотреблений, с другой – местные торговые организации помимо распределения продавали часть товаров по более высоким коммерческим ценам, присваивая себе разницу. Двойные цены действовали в городах и селах, что создавало почву для нарушения баланса

в снабжении городского и сельского населения. Отмена карточной системы и двойных цен в первую очередь была обусловлена стремлением ликвидировать злоупотребления в торговле [см.: Дэвис, Хлевнюк, с. 93]. Однако переход к открытой торговле не означал восстановления рыночных механизмов и частного сектора. Главными особенностями механизма продовольственного снабжения населения, характерного для советского периода, оставались централизация и дискриминационный характер по отношению к сельскому населению [см.: Корнилов, с. 402].

Если в первой половине 1930-х гг. торговля воспринималась как пережиток капитализма, то в январе 1934 г. на XVII съезде партии И. В. Сталин назвал советскую торговлю «нашим родным, большевистским делом». К середине 1930-х гг. власть вполне осознавала бесперспективность карточной системы. И. В. Сталин, защищая торговлю как таковую от нападок со стороны сторонников нормированного распределения, подчеркнул: «Чтобы экономическая жизнь забила ключом, а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь одно условие – развернутый товарооборот между городом и деревней» [Сталин, т. 13, с. 341–342].

Карточная система отменялась поэтапно: с 1 января 1935 г. были отменены карточки на хлеб, муку и крупу, с октября 1935 г. было отменено нормирование по остальным продовольственным продуктам, а с начала 1936 г. – по промышленным товарам. Хлеб являлся основным продуктом питания в годы карточной системы, что делало отмену карточек символичной. Руководство стремилось отметить это событие большим всенародным праздником [см.: Осокина, с. 179].

Переход государственной торговой сети и потребкооперации Башкирии на режим открытой торговли произошел, но дефицит промтоваров и продуктов питания сохранился. В течение 1936 г. в обком партии из городов и районов республики стекались докладные записки, из которых следовало, что меры, направленные на увеличение выпечки хлеба, оказались недостаточными. Работники торговли вспомнили «старину» и вернулись к системе магазинов закрытого типа, т. е. таких, в которых формально хлеб продавался всем гражданам, а фактически услугами магазина могли воспользоваться только работники предприятия. Магазины открытого типа продолжали существовать, но хлеба в них становилось меньше, так как торговые точки, находящиеся на территории предприятий истроек, поглощали большую часть товаров [см.: НАРБ, ф. 122, оп. 17, д. 614, л. 100].

Некоторые организации вопреки директивам сохраняли собственные мощности хлебопечения, а хлеб в своей торговой сети продавали только сотрудникам. К примеру, 31 июля 1936 г. Наркомат внутренней торговли (НКВТ) Башкирской АССР принял постановление об упорядочении нормальной торговли печеным хлебом, мукой и крупой на спиртзаводах. С 1 августа Башспиртотрест был обязан прекратить производившуюся на спиртзаводах выпечку и продажу хлеба, а также реализацию муки через собственные ларьки. Башсоюз был обязан через систему своих райпотребсоюзов немедленно организовать бесперебойную продажу печеного хлеба, муки и крупы рабочим, служащим и членам их семей в ларьках райпотребсоюзов. Башспиртотрест со своей стороны был обязан передать пекарни и ларьки в ведение потребительской кооперации. Впредь продажа печеного хлеба, муки и крупы на территории спиртзаводов должна была производиться в том числе и прочему окрестному населению в порядке свободной торговли [см.: НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 307, л. 32].

Вместе с тем организовать свободную продажу промтоваров в республике оказалось также непросто. Государственная торговая сеть, несмотря на партийные директивы, продолжала работать на принципах нормированного распределения. Так, материалы обследования Белебеевского межрайторга свидетельствуют, что вопреки директиве НКВТ СССР, запрещавшей применение распределительных методов торговли, директор межрайторга Титов дал указание универсамам об отпуске мануфактуры и обуви по запискам и требованиям учреждений с визой директора магазина. Товары отпускали с базы межрайторга через завхоза Соколова. Только обуви было незаконно распределено на сумму 11 227 руб., которую сначала завозили во двор конторы торга и оттуда отпускали разным лицам по запискам. Кроме того, в течение июня и июля 1936 г. было распределено 8288 м мануфактуры на сумму 28 508 руб. За грубое нарушение политики советской торговли директора межрайторга Титова сняли с работы, а материалы проверки были переданы в прокуратуру для возбуждения уголовного дела [см.: Там же, л. 36].

Многие торговые организации в условиях свободной торговли столкнулись с финансовыми трудностями. Не смог избежать их и Уфимский пищеторг, которому принадлежала большая часть торговых точек Уфы, задействованных в реализации продуктов питания. Произведенная комиссией НКВТ проверка хозяйственно-финансового состояния Уфимского пищеторга установила в работе последнего ряд крупнейших недочетов

и наличие бесхозяйственности, что привело организацию к крайне напряженному финансовому положению. Рост розничного товарооборота во втором квартале 1936 г., перекрывший недовыполнение плана в первом квартале, произошел, главным образом, за счет конъюнктурного фактора. Усиление реализации муки и фуража произошло при одновременном снижении реализации по другим товарам (сахару – на 17 % и чаю – на 31 %). Торговля печеным хлебом происходила с большими перебоями, в результате реализация хлеба снизилась во втором квартале на 9,7 %, овощная торговля сократилась на 33 % [см.: НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 307, л. 52].

Высокий процент издержек обращения вызвал перерасход против плана по всем основным статьям. Так, перерасход по фонду заработной платы за второй квартал составил 47 250 руб., что стало следствием неправильного планирования фонда и большой текучести кадров. Отмечалась практика массовых списаний на убыль и порчу товаров сверх установленных норм, что привело к перерасходу еще 50 тыс. руб., также были зафиксированы громадные потери по таре в размере 60 тыс. руб. Произошел рост дебиторской задолженности на 34 тыс. руб. вместо предусмотренного планом снижения на 228 тыс. руб., что привело к иммобилизации оборотных средств в сумме 569 тыс. руб. [см.: Там же, л. 54].

Количество растрат и хищений в пищеторге за первое полугодие 1936 г. достигло 122 тыс. руб., что усугублялось отсутствием эффективной работы по взысканию долгов. Так, за первое полугодие удалось взыскать только 2 % долгов с растратчиков.

Директивы НКВТ СССР о переводе магазинов на хозрасчет также не были выполнены. По всей сети Уфимского пищеторга только два магазина были переведены на хозрасчет. При этом 34 % магазинов являлись убыточными, что наряду с высокими издержками обращения объяснялось низкими оборотами некоторых магазинов и киосков, недостаточной нагрузкой продавцов и бедным ассортиментом продуктов питания.

Помимо общих финансовых затруднений каждый магазин пищеторга в своей работе имел собственные недостатки. Приведем несколько примеров из материалов обследования магазинов Уфы за октябрь 1936 г. Так, в магазине № 47 при проверке ни заведующего, ни заместителя не было на месте. Товары имели неприглядный вид и были расположены неправильно. Например, хозяйственное и туалетное мыло, махорка хранились рядом с маслом и маргарином. Маргарин на выставке хранился в загрязненном виде, в разбитых блюдцах, а перетопленный маргарин не имел ценников. Масло было искрошено, покрыто рваной и грязной бумагой.

Ассортимент рыбы был неполным, присутствовал только один сорт [см.: НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 308, л. 12].

Магазин № 23 находился в антисанитарном состоянии, на стенах и полках была обнаружена грязь, продавцы работали в грязных халатах. Две витрины вообще были пустыми. Отпуск муки был неотработан – покупателям приходилось заходить за прилавок и в склад. Ассортимент булочных изделий был неполным. Продавцы работали крайне медленно, о чем свидетельствовали записи в книге жалоб. Кроме того, в магазине имелась испорченная колбаса, которая не была изъята из продажи [см.: Там же, д. 307, л. 16].

Следует отметить, что некоторые приоритеты внутренней политики не всегда соответствовали принципам свободной торговли. В Башкирию иногда поступали большие объемы дефицитной мануфактуры, но в государственную торговую сеть она не поступала. 20 октября 1936 г. местный НКВТ принял постановление по вопросу обеспечения республики красной мануфактурой для празднования годовщины Октября. В целях своевременного завоза и равномерного обеспечения районов и городов красной тканью для оформления колонн, предприятий и учреждений фонд красной ткани в 50 тыс. м был распределен по районным торгам. Большая часть этой ткани предназначалась городам: Уфа получила 30 тыс. м, Белорецк – 5 тыс. м, Стерлитамак – 2 тыс. м [см.: Там же, л. 46].

Торгующим организациям реализацию данного материала можно было производить только по указанию местных городских райторгов. Хлопкосбыт был обязан произвести отпуск красной ткани в первую очередь и немедленно по поступлении таковой. Из докладной записки о росте антисоветских настроений, поступившей в обком от ветеранов Приуральского сектора войск внутренней охраны Республики (ВОХР НКВД) в январе 1937 г., следовало, что «мануфактурные очереди» из нескольких сотен человек вызывают ропот и недовольство, особенно когда масса мануфактуры красного цвета расходовалась на украшение зданий и витрин [НАРБ, ф. 122, оп. 17, д. 614 л. 102].

Предполагалось, что в борьбе с недостатками в работе государственных торговых организаций важную роль сыграют стахановцы. С этой целью республиканский НКВТ 4 декабря 1936 г. принял постановление об инструкторах-стахановцах. С одной стороны, назначение некоторыми отделениями Башторга (в Белорецке, Иглино и Давлеканово) инструкторов по внедрению стахановских методов работы в магазинах и складах дало положительные результаты в повышении культуры советской тор-

говли. Значительно улучшилось их санитарное состояние, были ликвидированы перебои в торговле товарами повседневного спроса, в некоторых магазинах была введена в систему предварительная расфасовка товаров. С другой стороны, НКВТ отмечал, что дирекция Башторга и руководители его отделений на местах недооценивали значение работы инструкторов-стахановцев среди работников торговли. Так, из 17 отделений Башторга только в 7 назначили инструкторов-стахановцев. Белорецкое отделение, имея 87 торговых единиц, Уфпромторг – 55, Уфпищепром – более 200 торговых предприятий (магазины, лавки, ларьки), назначили в магазины только по одному инструктору, что совершенно не обеспечивало охват ими торговой сети.

Инструкторы-стахановцы свою работу в некоторых отделениях Башторга организовали нерационально. Например, инструктор Уфимского пищевого Калсанов с июня по декабрь 1936 г. инструктировал только три магазина, причем в магазине № 1 он находился в качестве инструктора три месяца, а инструктор Иглинского отделения Тимошенко одновременно обслуживал 14 магазинов [см.: НАБР, ф. Р-976, оп. 1, д. 307, л. 36]. Директора отделений не смогли обеспечить инструкторов учебной и учебной литературой. В некоторых районных торгах инструкторы-стахановцы получали зарплату значительно ниже, чем получали, работая в качестве продавцов.

Каждому торгу указывалось конкретное число инструкторов-стахановцев, директора районных торгов должны были лично руководить работой инструкторов и создать для них надлежащие условия. Требовалось сохранить средний фактический заработок, который они получали до перевода на работу в качестве инструктора. Но поскольку средств на индивидуальную учебу зачастую не хватало, в некоторых отделениях Башторга ограничились тем, что каждому инструктору выписали газету «Советская торговля».

В начале зимы 1936 г. стали ощущаться последствия неурожая, который затронул большую часть районов Башкирии. У крестьян после выполнения плана хлебозаготовок хлеба почти не осталось, поэтому колхозники и единоличники были вынуждены приезжать в районные центры и города для покупки хлеба в государственных и кооперативных магазинах. Во многих городах и районах республики свободная продажа хлеба полностью прекратилась, так как были израсходованы месячные лимиты. У магазинов возникали огромные очереди из сотен человек, из-за чего дневная норма распродалась за несколько часов. В ряде

районов большая часть магазинов перешла на закрытый режим работы. В этой связи НКВТ Башкирской АССР 5 декабря 1936 г. принял постановление «Об извращении постановления о свободной торговле мукой и печеным хлебом в Дюртюлинском и Туймазинском районах». НКВТ, не имея возможности исправить ситуацию экономическими методами, перешел к наложению взысканий. Во-первых, за допущение перебоев в хлебной торговле в с. Троицком и за непринятие своевременных мер по устранению перебоев заведующему Туймазинским райторгом Шакирову было объявлено предупреждение. Во-вторых, за допущение и санкционирование продажи муки по спискам и отдельным запискам заведующему Дюртюлинского райторга Шарипову был объявлен выговор. Кроме того, вынесено предупреждение, что при повторном распределении муки по спискам Шарипов будет снят с работы и привлечен к уголовной ответственности [см.: Там же, л. 25].

В то же время при остром дефиците муки и печеного хлеба в районах Башкирии буфеты при государственных и кооперативных учреждениях вели незаконную торговлю. Проверкой, произведенной инспектурой НКВТ, был выявлен ряд грубых нарушений в работе буфетов на территории Уфы. Так, буфет при Многопромсоюзе отпускал хлеб в неограниченном количестве, т. е. более 2 кг в одни руки всем желающим. Буфет хлебозавода отпускал хлеб только сотрудникам предприятия по спискам и значительно выше установленных норм (до 3–4 кг). Буфет при горсовете также отпускал хлеб только своим сотрудникам. Сбыт хлеба по спискам осуществлялся в буфетах при пищепроме, Башсоюзе и Наркомземе. Характерно, что даже в буфете при Уфимском райисполкоме хлеб отпускался только сотрудникам райисполкома. Заведующие буфетами, в которых были выявлены факты продажи хлеба в одни руки свыше 2 кг и нарушения цен, привлекались к уголовной ответственности, а на заведующих буфетами, торговавших по спискам сотрудников в закрытом режиме, было наложено административное взыскание.

Иначе вели торговлю буфеты при уфимских школах. Например, проверка НКВТ буфета при школе № 35 установила в бутербродах недовес масла по 12–17 грамм. Кроме того, буфет производил торговлю халвой так, что в порциях по 50 грамм был обнаружен недовес по 10 грамм. При проверке в 10 порциях по 50 грамм должно было быть 500 грамм, а фактически оказалось 400 грамм, т. е. недовес составил 20 %. Весы в школьном буфете были старыми коромысловыми, заржавленными, совершенно непригодными к работе. Вместо гирь советской маркировки применялись старые царские гири, а также камни и куски чугуна [см.: Там же, л. 20].

Дефицит в торговле промтоварами власти пытались в некоторой степени компенсировать за счет легализации работы скупочных пунктов. Однако обследования работы скупочных пунктов и рыночной торговли промтоварами и подержанными вещами с рук, вследствие недостаточного контроля со стороны горторга и дирекций базаров, выявляли множество серьезных недостатков.

В ходе обследования рынка Нижнеторговой площади 12 декабря 1936 г. было установлено, что лиц, торговавших промтоварами и подержанными вещами с рук, было более 3 тыс. человек. Выдача талонов производилась только из двух окон, в результате очередь за получением талонов превышала 200 человек. Контролеров за соблюдением цен на базаре было только два, а из общественности в контроле вообще никто не участвовал. Вследствие этого на базаре был настоящий расцвет спекуляции швейными изделиями, валяной обувью и калошами. Имевшийся скупочный пункт был совершенно не готов к работе в зимнее время – в нем было очень холодно. На весь пункт имелось лишь два скупщика и один кассир, вследствие чего наблюдались очереди. В пункте были преysкуранты на хлопчатобумажные, шерстяные ткани, кожаную обувь и строительно-хозяйственные материалы, но работники пункта ими не пользовались, а покупку вещей производили «на глаз». В результате одни вещи скупались по заниженным, а другие по завышенным ценам, при этом квитанции гражданам не выдавались. Срок прохождения скупленных товаров от пункта до склада магазина составлял 2–3 дня. Была установлена задержка товаров на складе общей стоимостью 4–5 тыс. руб. Некоторые товары не выпускались в продажу с июля (самовары и швейные изделия), другие товары припрятывались (шали, дохи, отрезы сукна военного образца) [см. НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 311, л. 10]. После проверки было решено все залежалые товары немедленно оценить, отремонтировать и передать в магазины для реализации, а лиц, виновных в припрятывании ценных вещей, снять с работы.

Таким образом, принимаемые меры в условиях плановой экономики не помогли избежать государственную торговую сеть Башкирии от острого товарного дефицита. После отмены карточной системы в государственной торговле Башкирии сохранялось низкое предложение. С одной стороны, не хватало товарных фондов, не давали эффекта и попытки устранить недостаток товаров за счет промысловой кооперации и легализации работы скупочных пунктов. С другой стороны, доходы населения республики росли, следовательно, деньги не возвращались в государственный бюджет, лишь усиливая тем самым финансовые трудности. В итоге каче-

ство жизни населения Башкирии не улучшалось, а спрос на промтовары и продовольствие удовлетворялся далеко не в полном объеме. Низкая эффективность государственной торговли способствовала росту явных противоречий между социально-экономической реальностью Башкирии второй половины 1930-х гг. и официальной риторикой государства.

Дэвис Р. У., Хлевнюк О. В. Отмена карточной системы в СССР, 1934–1935 годы // *Отеч. история.* 1999. № 5. С. 87–108.

Корнилов Г. Е. Кризисы сельского хозяйства, голодовки и формирование системы продовольственной безопасности в России в первой половине XX в. // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* 2011. № 1. С. 391–406.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1997.

Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // *Соч. М., 1951. Т. 13. С. 282–379.*

УДК 94(470.54).084.6:330.341

В. А. Шкерин

ПОЛИТИКА ПРОТИВ ЭКОНОМИКИ: РЕАЛИИ СТАЛИНСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ СТАНОВЛЕНИЯ УРАЛЬСКОГО ТУРБИННОГО ЗАВОДА

В статье рассматривается реалистичность централизованного планирования в СССР на примере истории создания крупного государственного предприятия – Уральского турбинного завода в Свердловске (Екатеринбурге). Согласно изначальному плану завод намечалось построить в 1932–1936 гг. в качестве структурного подразделения гигантского электромашиностроительного комбината. Основной специализацией будущего завода должно было стать производство паротурбинных двигателей для малых судов военно-морского флота. В результате волонтаристского завышения руководством страны заданий пятилетних планов, политических репрессий и ряда внешнеполитических факторов ранняя история промышленного предприятия пошла совсем по иному сценарию. Единый комбинат так и не был построен. Основная специализация уральского завода на стадии строительства сменилась на производство паровых турбин для теплоэлектростанций.